

ПАУЛО
КОЭЛЪО

ЖИППИ

18+

ТОТ, КТО НЕ СПОСОБЕН ИЗМЕНИТЬ
СЕБЯ, НЕ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ МИР

Пауло Коэльо

Хиппи

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.134.3-31(81)

ББК 84(7Бра)-44

Коэльо П.

Хиппи / П. Коэльо — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097050-6

«Все, о чем повествуется здесь, было прожито и пережито мной лично». Так начинается роман мегапопулярного сегодня писателя Пауло Коэльо. А тогда, в 70-е, он только мечтал стать писателем, пускался в опасные путешествия, боролся со своими страхами, впитывал атмосферу свободы распространившегося по всему миру движения хиппи. «Невидимая почта» сообщала о грандиозных действиях и маршрутах. Молодежь в поисках знания, просветления устремлялась за духовными наставниками-гуру по «тропам хиппи» к Мачу Пикчу (Перу), Тиакхонако (Боливия), Лхасы (Тибет). За 70 долларов главные герои романа Пауло и Карла совершают полное опасных приключений путешествие по новой «тропе хиппи» из Амстердама (Голландия) в Катманду (Непал). Что влекло этих смелых молодых людей в дальние дали? О чем мечтало это племя без вождя? Почему так стремились вырваться из родного гнезда, сообщая родителям: «Дорогой папа, я знаю, ты хочешь, чтобы я получила диплом, но это можно будет сделать когда угодно, а сейчас мне необходим опыт». Едем с ними за мечтой! Искать радость, свойственную детям, посетить то место, где ты почувствуешь, что счастлив, что все возможно и сердце твое полно любовью!

УДК 821.134.3-31(81)

ББК 84(7Бра)-44

ISBN 978-5-04-097050-6

© Коэльо П., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Пауло Коэльо

Хиппи

О, Мария, без греха зачатая, моли бога о нас, к тебе прибегающих.

И дали знать Ему: Матерь и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя.

Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его.

Лк. 8:20-21

*Я подумал, что путь подходит к концу
Что исчерпал себя
Что путь вперед закрыт
Что припасы иссякли
Что пришел час укрыться
В безмолвии тьмы
Но тут вдруг узнал
Постоянство твоего влечения
И когда усталый язык позабыл прежние слова
Новые мелодии расцвели в моем сердце
И там где обрывались старые дороги
Возник новый мир*

Рабиндранат Тагор

Посвящается Кабиру, Руми, Тагору, Пауло де Тарсо, Хафезу, которые со дня нашей встречи идут со мною рядом, которые написали главы в книге моей жизни, рассказанные здесь – порою их словами.

Все, о чем повествуется здесь, было прожито и пережито мной лично. Иногда мне приходилось изменять порядок эпизодов, имена и приметы людей, спрессовывать события, избегая повторов, но все, что здесь рассказано – было на самом деле. Я писал в третьем лице, чтобы мои герои говорили своим голосом, описывая собственную жизнь.

В сентябре 1970 года право называться центром мира оспаривали лондонская Пикадилли и амстердамская площадь Дам. Однако многие не знали об этом, и спроси у них кто, ответили бы – Белый Дом в Соединенных Штатах и Кремль в Советском Союзе. Но эти «многие» черпали сведения из газет, телевидения и радио, – словом, из средств массовой информации, – давно устаревших, которым никогда больше не обрести свое прежнее значение, то, каким было оно при их появлении.

В сентябре 1970 года авиабилеты были безумно дороги, и путешествия могли позволить себе только немногие избранные. Впрочем, это почти или совсем не касалось огромного множества молодых людей, о которых СМИ если и упоминали, то исключительно живописуя их внешний вид: они, мол, отпускают себе длинные волосы, носят яркую и разноцветную одежду, не моются (что было неправдой, но юнцы не читали газет, а люди взрослые верили во все, что могло хоть как-то опорочить тех, кто «представлял угрозу обществу и добропорядочности»), а кроме того, подавая отвратительный пример целому поколению своих сверстников, намеренных преуспеть в жизни, прельщают их идеями «свободной любви» и прочими проявлениями аморализма. Ну и ладно – у молодых людей обоого пола, о которых газеты отзывались с таким презрением, имелась собственная система распространения информации, совершенно недоступная для посторонних.

«Невидимая почта» вовсе не предназначена была для рекламирования новой модели «Фольксвагена» или нового сорта стирального порошка, неустанно навязываемых потребителю во внешнем мире. Информация сводилась лишь к тому, где возьмет начало очередная дорога, по которой двинутся эти наглые, косматые, грязные парни и девицы, живущие в свальном грехе и одевающиеся так, как ни один порядочный человек себе не позволит. Девчонки с вплетенными в косы цветами и в юбках до полу, в цветастых рубашках и, разумеется, без лифчиков, зато в ожерельях и бусах всех видов и размеров; юноши с нестриженными волосами и бородами, в джинсах, заношенных и рваных от непрерывной носки – очень уж трудно было купить новые, джинсы были дороги во всем мире, за исключением Соединенных Штатов, где бывшая спецодежда вышла из рабочих гетто и перебралась на грандиозные концерты и фестивали в Сан-Франциско и окрестностях.

«Невидимая почта» существовала прежде всего потому, что люди, приходившие на эти концерты, хотели знать, где они должны встретиться, и как им посмотреть мир не из окон туристических автобусов, где путешественники помоложе томятся от рассказов гида, а постарше – дремлют. И вот так, из уст в уста, перелетали вести о том, где состоится ближайшее грандиозное действо и где начнется ближайший маршрут. И ни для кого не было никаких финансовых ограничений, потому что любимым писателем всего этого сообщества был не Платон и не Аристотель, и даже не авторы комиксов, обретших в те дни громкую славу и невероятную популярность. Великая книга, без которой никто не пускался в путь по Старому Свету, называлась «Европа за пять долларов в день» и написал ее Артур Фроммер. Из нее узнавали, где переночевать, что посмотреть, где поесть и где послушать живую музыку, не платя практически ничего.

Единственная ошибка Фроммера была в том, что он ограничился Европой. Разве не было в мире иных достопримечательностей? Разве многих не тянуло в Индию сильнее, чем в Париж? Автор исправил свой промах несколько лет спустя, но еще до этого «Невидимая почта» проложила маршрут в Южную Америку, к затерянному в Андах заброшенному городу под названием Мачу Пикчу, предупредив всех, чтобы не сообщали ничего людям, не причастным к движению хиппи – иначе там все немедленно заполонят варвары с фотоаппаратами и пространными объяснениями (тут же, впрочем, забываемыми) того, как племя индейцев сумело выстроить город и спрятать так, что найти его можно было только с высоты птичьего полета – то есть нельзя, ибо люди, как известно, летать не умеют.

Будем справедливы – имелся еще один мировой бестселлер, быть может, не столь популярный, как книга Фроммера, но зато покупали его те, кто уже переболел социализмом, марксизмом, анархизмом и горько разочаровался в системе, придуманной людьми, заявлявшими, что «пролетарии всех стран неизбежно возьмут власть». Или что «религия есть опиум для народа» – было совершенно ясно: тот, кто выдумал эту чушь, ничего не понимал ни в религии, ни в народе, а в опиуме – еще того меньше. Потому что оборванные юнцы верили и в Бога, и в богов, и в богинь, и в ангелов и много еще в кого. Единственное, в чем можно было упрекнуть эту книгу под названием «Утро магов», сочиненную французом Луи Повельсом и бывшим советским шпионом Жаком Бержье, – математиком и неутомимым исследователем оккультизма, – и утверждавшую нечто обратное тому, что декларировали политические учебники: что мир состоит из множества невероятно интересных вещей, что в нем существуют алхимики, маги, катары, храмовники и так далее, – была ее запредельная цена, обеспечившая стойкий коммерческий успех издания, поскольку на добрый десяток читателей приходился только один купленный экземпляр. Однако в этой книге был упомянут Мачу Пикчу, и молодые люди со всего света воспылали желанием отправиться в Перу (впрочем, «со всего света» это, конечно, преувеличение, потому что гражданам Советского Союза выехать за границу было гораздо труднее).

Но так или иначе те молодые люди со всех концов земли, которые обладали, по крайней мере, одним бесценным сокровищем – заграничным паспортом, – оказались на так называемых «тропах хиппи». Никому не было в точности известно, откуда взялось слово «хиппи» и что именно оно значило, но это было неважно. Быть может, оно примерно соответствовало понятию «крупное племя без вождя» или «безобидные маргиналы», или всем прочим определениям, приведенным в начале этой главы.

Паспорт – эта маленькая книжечка, выданная правительством и хранящаяся в бумажнике вместе с деньгами (много ли их или мало – в данном случае неважно) – имеет два предназначения. Во-первых, как всем известно, с его помощью можно пересекать границы – если только начитавшиеся газет пограничники не завернут путешественника обратно, поскольку не привыкли к такой одежде, к такой волосне, к цветочкам и ожерельям, к бусам и бисеру и к таким улыбкам, будто выражающим непрерывный экстаз, обычно, хотя и несправедливо, приписываемый действию дьявольского зелья, якобы потребляемого этими юнцами во все возрастающих количествах.

Вторая функция паспорта – избавить своего носителя и подателя от экстремальных ситуаций: когда, например, кончились деньги и неизвестно, что делать. Все та же «Невидимая почта» всегда предоставит информацию о том, где его, паспорт этот, можно будет продать. Цена зависит от гражданства: например, паспорт Швеции, где все граждане белокуры, долговязы и голубоглазы, стоит недорого, поскольку может быть перепродан только тому, кто наделен таким же набором черт, а они, как правило, встречаются не слишком часто. А вот бразильский паспорт на черном рынке потянет целое состояние – поскольку удостоверяет подданство государства, где, помимо длинных голубоглазых блондинов, имеются рослые или приземистые чернокожие с темными глазами, азиаты с глазами раскосыми, а также мулаты, индейцы, арабы, евреи и невообразимая смесь всех вышеперечисленных, что и делает этот документ одним из самых вожделенных в мире.

Продав свой паспорт, его бывший обладатель направляется напрямик в консульство своей страны и, изображая ужас и смятение, сообщает, что его ограбили и отняли все – и деньги, и документы. Консульские работники богатых стран предлагают новый паспорт и бесплатный билет к месту проживания, на что получают немедленный отказ со словами: «Мне тут задолжали крупную сумму, я должен сначала получить свои деньги». В консульствах бедных стран, где обычно правят более суровые режимы – военные диктатуры, например – устраивают посетителю форменный допрос, желая убедиться, что он не числится в списках террористов, разыскиваемых за подрывную деятельность. Убедившись, что эта девушка (или этот парень) чисты и невинны, консульские работники должны скрепя сердце оформить новые документы. В таких случаях и речи нет о бесплатном перелете в отчизну, ибо не нужен отчизне урод, способный развратить ее скромную, богобоязненную и воспитанную в почитании скреп, семейных устоев и священного права собственности.

Вслед за Мачу Пикчу настал черед Тиахуанако в Боливии. Потом – тибетской Лхасы, куда попасть было очень трудно: «Невидимая почта» сообщала о боях между монахами и китайской армией. Представить себе эту войну было невозможно, однако все верили в нее и никто не хотел в итоге длиннейшего путешествия оказаться в плену у тех или других. И наконец выдающиеся философы той эпохи – как раз в апреле текущего года их группа распалась – объявили, что высшая мудрость мира заключена в Индии. Этого оказалось достаточно, чтобы молодежь со всего света устремилась туда в поисках знания, просветления, духовных наставников-гуру, ради обетов нестяжания и встречи с «My Sweet Lord».

Впрочем, «Невидимая почта» не преминула сообщить, что духовный наставник Битлз Махариши Махеш домогался актрисы Мии Фэрроу, у которой на протяжении всей жизни случались только несчастливые романы: она и отправилась в Индию по приглашению Битлз в

попытке исцелить травмы, связанные с сексуальностью, преследовавшие ее неотступно, будто плохая карма.

Однако все указывает на то, что эта карма перебралась вместе с ней туда же, где были Джон, Поль, Джордж и Ринго. По словам актрисы, она медитировала в пещере великого гуру, когда тот набросился на нее и едва не изнасиловал. К этому времени Ринго уже вернулся в Англию, потому что его жена не переносила индийской кухни, да и Маккартни тоже решил покинуть *ашрам*, убедившись, что толку от этого нет никакого.

В храме Махариши оставались только Джордж и Джон, когда Мия, заливаясь слезами, разыскала их и рассказала о том, что произошло. Оба немедленно собрали чемоданы, а когда Просветленный спросил, в чем дело, Леннон дал ему сокрушительный ответ:

– Ты же, сука, провидец? Ну, так провидь!

В сентябре 1970 года миром владели женщины – вернее сказать, юные хиппи. Мужчины мыкались туда-сюда, зная, что женщин влечет не модное поветрие – женщины куда лучше них разбирались в тонкостях движения, – и, решив раз и навсегда признать себя слабым и зависимым полом, усвоили привычку ходить как потерянные с невысказанной просьбой в глазах: «защити меня, я один в этом мире и никого не могу себе найти, мне кажется, что весь мир забыл меня, а любовь – покинула навсегда». Женщины сами теперь выбирали себе мужчин и думать не думали о замужестве, имея в виду лишь веселое и приятное времяпрепровождение, непременно включающее изобретательный интенсивный секс. И как в важных делах, так и в сущих пустяках решающий голос принадлежал женщинам. И потому, едва лишь «Невидимая почта» раструбила о попытке изнасилования Мии Фэрроу и о фразе Леннона, они немедленно решили изменить маршрут.

Так была создана очередная «тропа хиппи» – из Амстердама (Нидерланды) до Катманду (Непал) отправлялся автобус (проезд стоил приблизительно сто долларов), пересекая страны, которые тоже, наверно, были очень интересны – Турцию, Ливан, Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан и часть Индии (заметим мимоходом, удаленную от местопребывания Махариши). Длилось путешествие три недели и покрывало астрономическое количество километров.

Карла сидела на площади Дам и спрашивала себя, когда же явится наконец человек, который будет сопровождать ее в этом волшебном, как она считала, странствии. Она бросила работу в Роттердаме (всего час езды на поезде), но поскольку вынуждена была экономить каждый гульден, то добиралась, так сказать, на перекладных и зайцем, а потому дорога заняла у нее почти целый день. Карла узнала об автобусном путешествии в Непал из одной полуофициальной газеты, – из тех, что с любовью, усердием и талантом выпускали люди, которым было что сказать миру, а потом продавали за бесценок.

После целой недели ожидания Карла начала беспокоиться. Она заговаривала с десятком парней со всего мира, которые хотели только одного – и дальше сидеть на этой площади, где не было ничего примечательного, кроме монумента фаллической формы, что, по идее, должно было стимулировать отвагу и мужественность. Но нет – никто из них не желал отправляться неизвестно куда.

И дело было не только в расстоянии – большинство прилетели из США, и из Латинской Америки, и из других стран, а путь этот был не только запредельно дорог, но и богат погранпостами, на любом из которых туриста могли завернуть восвояси, не дав ему возможности познакомиться с одной из двух мировых столиц. Тем не менее они все прилетели – долетели и сели: и сидели теперь на площади, покуривая марихуану и радуясь, что могут делать это на глазах у полицейских, пока их в буквальном смысле не начинали умыкать секты и сообщества, изобиловавшие в городе. И хоть на время они позабыли то, что слышали всю жизнь: «...сын, ты должен идти в университет... подстричься... не позорить своих родителей, ибо люди (люди?)

скажут, что мы тебя не воспитали должным образом... то, что ты слушаешь – не музыка, а черт знает что... пора устроиться на работу... бери пример с брата (или с сестры) – такой молодой, а уже сам зарабатывает достаточно на свои развлечения и денег из нас не тянет».

Вдали от этой нескончаемой канители они наслаждались свободой, Европа была безопасным местом, – по крайней мере, пока они не лезли за «железный занавес», куда-нибудь на коммунистическую территорию, – а в путешествии можно было узнать массу полезного, что позже пригодится в жизни, и, главное, тут не надо объясняться с родителями.

«Дорогой папа, я знаю, ты хочешь, чтобы я получила диплом, но это можно будет сделать когда угодно, а сейчас мне необходим опыт».

Но нет на свете отца, который понял бы такую логику, а потому оставалось лишь скопить немного денег, кое-что продать и выйти из дому, пока все спят.

И сейчас Карлу окружали люди свободные и решившиеся жить так, как многие не осмелились бы даже попробовать. Но почему бы не прокатиться на автобусе в Катманду, спрашивала она. Потому, отвечали ей, что это не Европа. Это совершенно неизвестная нам страна. Но если вдруг что-нибудь случится, настаивала она, всегда можно обратиться в консульство и попросить, чтобы нас отправили на родину. (Карла не знала ни одного подобного случая, но такова была легенда, а легенда, многократно повторенная, становится истиной.)

На пятый день ожидания человека, который согласился бы стать ее спутником, она уже начала отчаиваться – вместо того чтобы платить деньги за ночлег, она могла бы спокойно спать в «Мэджик бэсе» (таково было официальное название транспортного средства, готового везти ее за сто долларов и за многие тысячи километров). И Карла решила посетить ясновидящую – направляясь на площадь Дам, она каждое утро проходила мимо ее кабинета. Сегодня там, как всегда, было пусто – в сентябре 1970 года все либо уже обладали сверхъестественными способностями, либо стремительно развивали их. Но Карла была девушка практичная и, хотя медитировала ежедневно и не сомневалась, что у нее вот-вот откроется «третий глаз» – невидимая точка на переносице – почему-то до сих пор все встречала неподходящих молодых людей, хотя ее интуиция всякий раз подсказывала ей, что этот точно подойдет.

Потому она и решила обратиться к помощи ясновидящей, ибо бесконечное ожидание – прошла уже целая неделя, то есть целая вечность! – подталкивало ее к намерению подыскать себе не друга, а подружку. А это было бы просто самоубийством, поскольку предстояло пересечь множество стран, где две одинокие девушки в лучшем случае навлекли бы на себя подозрения, а в худшем – если верить бабушке – были бы проданы в рабство, и хотя Карле сочетание «белая рабыня» казалось эротичным, она не готова была к таким экспериментам со своим телом.

Ясновидящая по имени Лайла, оказавшаяся созданием чуть постарше Карлы, одетым с ног до головы в белое и с блаженной улыбкой на лице, свойственной тому, кто постоянно общается с Высшим Существом, приняла ее очень радушно (думая, наверно, при этом «наконец-то я заплачу за аренду») и предложила сесть, а когда Карла села – похвалила ее за то, что выбрала правильное место в комнате – там, где находится центр силы. Посетительница притворилась перед самой собой, что и в самом деле обрела третий глаз, но подсознательно понимала, что Лайла говорит это всем – вернее, тем немногим, кто к ней навевается.

Наконец приступили к делу. Зажгли курильницу («это из Непала привезли», сообщила прорицательница, хотя Карла знала, что их изготавливают по соседству, благо это один из самых ходовых хиппи-товаров наряду с бусами, цветастыми рубашками, сумками в цветочек или с символом хиппи, или со словами «Власть Цветов»). Лайла стасовала колоду, попросила Карлу «снять», положила три карты и принялась толковать их в самой что ни на есть хрестоматийной манере. Карла остановила ее:

– Я не за этим пришла. Мне нужно знать всего лишь, встречу ли я попутчика, который поедет со мной туда... в то место, о котором вы упомянули... – последние слова она произнесла с нажимом, потому что не хотела, чтобы ее настигла плохая карма. Скажи она «я собираюсь туда, откуда взялась ваша курильница», дело, быть может, кончилось бы в одном из пригородов Амстердама, где находилась фабрика, выпускающая благовония, – ...упомянули, говоря о курениях.

Лайла улыбнулась, хотя внутри у нее все кипело от ярости – ее перебили в самый торжественный момент.

– Разумеется, встретишь. – Ясновидящие и гадалщики обязаны всегда говорить то, что хотят услышать их клиенты.

– И скоро ли?

– Прежде чем минет завтрашний день.

Обеим пришлось удивиться.

Карла впервые почувствовала, что Лайла говорит правду, потому что тон был участливый, уверенный, а голос, казалось, доносился из другого измерения. Лайла в свою очередь испугалась – не всякий раз происходило такое, а когда происходило, она испытывала страх перед карой за то, что бесцеремонно вторглась в этот мир, кажущийся и подлинным, и фальшивым. Да, боялась, хоть и молилась ночи напролет и оправдывалась, что поступала так исключительно ради того, чтобы помочь другим уверовать в то, чему они хотели верить.

Карла немедленно поднялась с «точки силы», расплатилась и вышла, чтобы не разминуться с тем, кого она ждала. «Прежде чем минет завтрашний день» звучало довольно расплывчато и неопределенно: может быть, речь шла о сегодняшнем дне? Но так или иначе она знала теперь, что ей есть кого ждать.

Она вернулась на прежнее место на площади Дам, раскрыла книгу, которую читала, и мало кому известную – что делало ее «культовой» – под названием «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена, рассказывавшего о мифических городах и весях, вроде тех, куда собиралась она сама. И делала вид, что не обращает внимания на парней, которые постоянно теребили ее дурацкими вопросами, ища вздорный предлог, чтобы завязать разговор еще более вздорный.

Пауло уже обсудил с аргентинцем все, что только можно было обсудить, и теперь оба смотрели на эти плоские равнины, хотя на самом деле были не здесь – вместе с ними странствовали воспоминания, имена, любопытство и, в первую очередь, огромный страх перед тем, что могло случиться на границе, до которой оставалось минут двадцать. Пауло начал заправлять свои длинные волосы за ворот куртки.

– Кого ты думаешь обмануть этим? – спросил аргентинец. – Их не проведешь: они видели все и ко всему привыкли.

Пауло оставил свои попытки. И спросил, не страшно ли аргентинцу.

– Еще как! Прежде всего – потому, что у меня уже стоят две въездные визы в Голландию. Могут подумать, что я зачистил. А это будет значить только одно.

Наркотрафик. Но насколько Пауло знал, в Голландии наркотики не запрещены.

– Ошибаешься. Опиаты – под строгим запретом. То же самое – кокаин. Разумеется, ЛСД не проконтролируешь, потому что достаточно смочить книжную страницу или кусочек ткани в этой смеси – и продавай по кусочкам. Но за все, что поддается установлению, можно загреметь в тюрьму.

Пауло счел за благо прекратить разговор на этом месте, поскольку ему до смерти хотелось спросить аргентинца, везет ли он что-нибудь в этот раз, а уже одно это автоматически делало его соучастником преступления. Однажды он уже попал в полицию, хоть ни в чем не был

виноват – дело происходило в стране, где на дверях всех аэропортов написано: «Бразилия: люби ее или покинь ее».

Как всегда бывает, когда стараешься отмахнуться от неприятных мыслей, выбросить из головы их огромный негативный заряд, несущий с собой еще более дьявольскую энергию, от одного лишь воспоминания о случившемся в 1968 году его сердце забилось учащенно, и во всех подробностях воскрес в памяти тот вечер в ресторане на Понта-Гросса в Парана – бразильском штате, поставляющем паспорта для белокурых и светлоглазых.

Он возвращался тогда из своего первого долгого путешествия по «тропе хиппи». Вместе с тогдашней своей возлюбленной – она была на одиннадцать лет старше Пауло, родилась и выросла при коммунистическом режиме Югославии, происходила из знатной семьи, которая все потеряла при новой власти, но все же сумела дать дочери образование: та выучила четыре языка, сбежала в Бразилию, вышла замуж за миллионера (причем с правами совместного владения имуществом), бросила его, обнаружив, что он считает ее уже старой (ей было 33 года) и крутит роман с 19-летней, но благодаря великолепному адвокату получила такую компенсацию, что всю оставшуюся жизнь могла больше не работать – Пауло отправился в Мачу Пикчу на так называемом «поезде смерти», сильно отличавшемся от того, что представлял он собой сейчас.

– Почему его называют «поезд смерти»? – спросила она у человека, проверявшего билеты. – Ничего особенного в пути не было.

Пауло несколько не интересовал ответ, но прозвучал он немедленно:

– В прежние времена этот состав использовали для перевозки прокаженных, а также тех, кто стал жертвой эпидемии желтой лихорадки, обрушившейся на регион Санта-Крус.

– Хочу верить, что вагоны после этого подверглись тщательной санитарной обработке.

– До сих пор, за исключением одного-двоих шахтеров, решивших свести счеты друг с другом, никто больше не пострадал.

Он имел в виду не жителей штата Минас-Жерайс, а боливийских шахтеров¹, работавших на оловянных рудниках. Что ж, мы живем в цивилизованной стране, будем надеяться, подумали Пауло и его спутница, что в этот день никто не захочет устроить потасовку. Успокаивало их и то, что большинство в вагоне составляли женщины в котелках и в ярких одеждах.

Поезд прибыл в Ла-Пас, столицу страны, находящуюся на высоте 3610 метров над уровнем моря, но, выйдя из вагона, они не сразу ощутили, как разрежен здесь воздух. Однако вскоре увидели юношу-индейца в одежде своего племени – он сидел на земле в полуобмороке. И на вопрос, что с ним, ответил, что ему трудно дышать. Проходивший мимо человек посоветовал пожевать листья коки, свободно продающиеся на рынке – местным жителям этот племенной обычай помогает справиться с удушьем. Юноша уже пришел в себя и попросил оставить его, прибавив, что сегодня же отправляется в Мачу Пикчу.

Портье того отеля, который они выбрали, отозвала в сторонку возлюбленную Пауло, о чем-то коротко с ней переговорила и лишь потом зарегистрировала пару. Они поднялись в номер, часок поспали, но прежде Пауло спросил, о чем шла речь.

– Никакого секса в первые двое суток.

Понять это было легко. Никакого влечения они не испытывали – не хотелось вообще ничего.

В столице Боливии они провели два дня – без секса и не испытывая никаких последствий кислородного голодания. И оба пришли к выводу, что это – лечебный эффект листьев

---

¹ Игра слов: «mineiro» значит и «шахтер», и житель штата Минас-Жерайс.

коки, хотя на самом деле кока здесь была ни при чем: явление, называемое «горной болезнью», возникает, когда люди быстро поднимаются на большую высоту над уровнем моря (например, прилетают на самолете), и их организм не успевает перестроиться. А эти двое провели семь долгих суток в «поезде смерти», медленно поднимаясь в высокогорье. Это несравненно лучше и гораздо надежнее самолета – Пауло видел в аэропорту Санта-Крус де ла Сьерра памятник «героическим пилотам авиакомпании, отдавшим свои жизни при исполнении долга».

В Ла-Пасе они встретили первых хиппи, которые, как вселенское племя, сознающее свою ответственность и солидарность с братьями, всегда носили знаменитый символ – перевернутую руну древних викингов. В Боливии же, где вообще все ходят в пончо, в расшитых бусами куртках, в цветастых рубашках, узнать своих можно только по этому знаку на одежде.

Первыми хиппи оказались двое немцев и канадка. Подруга Пауло говорила по-немецки, и ее тут же пригласили прогуляться по городу, а сам Пауло и канадка смотрели друг на друга и не знали, что им делать. Когда через полчаса троица вернулась, было решено не тратить здесь деньги, а немедленно отправиться к высочайшему в мире пресноводному озеру, переплыть его на чем-нибудь, высадиться на другом берегу уже на перуанской территории и двигаться напрямик на Мачу Пикчу.

Все шло бы в соответствии с намеченным планом, если бы по прибытии на берег Титикаки (так называлось это озеро) они бы не обнаружили там древнейший памятник под названием Ворота Солнца. А вокруг, взявшись за руки, сидели хиппи, а вновь прибывшие и боялись прервать ритуал, и хотели принять в нем участие.

Какая-то девушка заметила их, молча подала им знак, и они подсели к остальным.

Почему они находятся здесь, стало ясно сразу – ворота говорили за себя сами. В самой середине большого камня была щель – вероятней всего, от удара молнии – а вокруг нее были вырезаны великолепные рельефные изображения, рассказывающие истории былых времен – полузабытые, но живые, мечтающие, чтобы их вспомнили и открыли заново. Вдоль верхней кромки были изображены ангелы, боги, – утерянные символы культуры, которая, как утверждали местные жители, научит, как восстановить наш мир в случае, если человеческая алчность погубит его и уничтожит. Пауло сквозь отверстие в камне увидел озеро Титикака и заплакал, почувствовав свое кровное родство с создателями этого памятника – с теми, кто второпях покинул эти места, даже не докончив работу, кто ушел, словно испугавшись чего-то или выполняя чью-то волю и приказ все бросить. Девушка, позвавшая их в круг, тоже улыбалась сквозь слезы. Остальное время он просидел с закрытыми глазами, разговаривая с пришедшими раньше, допытываясь, что же привело их сюда.

Тот, кто хочет постичь магию, должен научиться видеть. Все, что Бог хотел сказать человеку, он поместил перед ним, гласит Традиция Солнца.

Традиция Солнца демократична: ее создали не для особо ревностных или чистых, но для обыкновенных людей. Сила заключена в каждой мелочи, из которых складывается стезя человека; мир – это школьный класс, и Высшая Любовь знает, что ты жив, и научит тебя.

И все молчали, постигая нечто такое, чего не могли бы объяснить словами, но зная, что в этом заключена истина. Одна из девушек запела на неведомом Пауло языке. Юноша – по виду самый старший здесь – поднялся, раскинул руки и произнес заклинание:

Да пошлет нам Всевышний Господь

*Радугу – после каждой бури
Улыбку – после каждой слезинки
Благословение – на каждую трудность
Друга – на каждый миг одиночества
Ответ – на каждую нашу молитву*

И как раз в этот миг раздался гудок парохода, который был построен в Англии, разобран на части и доставлен в один чилийский город, а оттуда караван мулов втащил его на высоту 3800 метров к берегу озера.

Все поднялись на борт и двинулись к древнему потерянному городу инков.

Они провели там незабываемые дни – потому что войти в этот город дано было лишь божьим детям, чистым духом и помыслами и готовым без страха встретить неведомое.

Ночевали в заброшенных домах, глядели сквозь дырявую кровлю на звезды, занимались любовью, нагишом купались в реке, протекавшей под горой, спорили о том, а в самом ли деле боги могли прилететь из космоса в этот уголок Земли. Все читали книгу одного швейцарца, который истолковывал рисунки инков как попытку изобразить звездных пришельцев, как читали и тибетского монаха Лобсанга Рампу, говорившего о третьем глазе – тут один англичанин рассказал всем собравшимся на главной площади Мачу Пикчу, что монаха этого не так давно разоблачил Далай-Лама²: на самом деле его звали Сирил Генри Хоскинс, и был он водопроектировщик из британской глубинки.

Всех несколько обескуражило это сообщение, потому что, как и Пауло, они были твердо уверены, что между глазами расположена некая железа под названием «шишковидное тело», предназначение которой ученые до сих пор не определили. А значит, третий глаз все же существует – пусть не в таком виде, как описывал его Лобсанг Сирил Рампа Хоскинс.

На третьи сутки подружка Пауло решила, во-первых, что пора вернуться домой, а, во-вторых – не оставляя места сомнениям – что он должен сопровождать ее. Ни с кем не попрощавшись, не оглядываясь назад, они еще до рассвета тронулись в путь и два дня спускались по восточному склону горной гряды в автобусе, набитом людьми, живностью, снедью и кустарными поделками. Пауло воспользовался случаем и купил расшитую яркую сумку, которую можно было сложить и спрятать в рюкзак. Еще он зарекся путешествовать на автобусе, если дорога занимает больше суток.

Из Лимы автостопом добрались до Сантьяго – мир был надежен и безопасен, машины останавливались на призывный взмах руки, хотя водителей слегка пугал экстравагантный вид этой пары. Выспавшись, они попросили кого-то начертить им маршрут через горную гряду по туннелю, связывавшему Чили с Аргентиной. Потом опять же на попутных двинулись в сторону Бразилии – подружка сказала, что оставшиеся деньги надо приберечь на тот случай, если экстренно понадобится медицинская помощь: девушка как всегда была благоразумней, предусмотрительней и взрослее Пауло, и полученное ею коммунистическое воспитание никогда не давало ей расслабиться полностью.

Уже в Бразилии, в том штате, где у большинства на фотографиях в паспорте запечатлены белокурые светлоглазые люди, они по ее предложению решили остановиться еще раз.

– Давай посмотрим Вила-Велью. Говорят, это просто фантастическое место.

Они не предвидели, каким кошмаром обернется их любопытство.

Они не предчувствовали, в каком аду окажутся.

Они не приготовились к тому, что их ожидало.

---

² На самом деле, разоблачил его австрийский исследователь Тибета Генрих Харрер, специально для этого нанявший частного детектива. (Прим. ред.)

Они уже видели столько фантастических и единственных в своем роде мест, которым предстояло в недалеком будущем разрушиться под натиском орды туристов, мечтающих только закупить всякой всячины и сравнить купленное с тем, что уже есть у них дома. Но подружка произнесла эти слова, не оставив места сомнениям и не поставив в конце фразы вопросительный знак – это было просто сообщение.

Давай посмотрим Вила-Велью. Ну, разумеется, давай посмотрим. Фантастическое место. Геологическое чудо с изваяниями, созданными самой природой – водой и ветром – которое местная префектура желала во что бы то ни стало разрекламировать, чтобы заработать на нем побольше. Все знали о существовании Вила-Велью, но одни откровенно предпочитали ей пляжи ближайшего штата, а другие, конечно, хотели бы съездить, но считали, что больно уж сложно добираться.

Пауло и его возлюбленная оказались там единственными посетителями и долго дивились тому, как природа творит чаши, черепак, верблюдов – вернее сказать, как люди способны дать имена всему на свете, хотя тот же самый верблюд девушке показался плодом граната, а юноше – апельсином. В отличие от того, что они видели в Тиауанако, эти изваяния из песчаника поддавались любому истолкованию.

Оттуда опять же автостопом добрались до ближайшего города. Подружка Пауло, зная, что уже скоро они будут дома, решила – она и в самом деле решала все – впервые за много недель остановиться в хорошем отеле, а за ужином поесть наконец мяса. Этот регион Бразилии традиционно славился своими стейками, которых они не ели с тех пор, как покинули Ла-Пас – цены везде были головокружительными.

И они зарегистрировались в настоящем отеле, вымылись, занялись сексом и потом спустились в холл, чтобы узнать у портье, где можно поесть до отвала по старой доброй бразильской системе³.

Но куда они ждали портье, к ним подошли двое и без всяких церемоний предложили выйти наружу. Оба держали правую руку в кармане, словно там лежало оружие, и явно хотели, чтобы это было ясно и очевидно.

– Тихо, тихо... – сказала подружка, решив, что их собираются грабить. – В номере у меня кольцо с бриллиантом.

Но их уже оторвали друг от друга и немедленно выволокли за двери отеля. На безлюдной улице стояли две машины безо всяких обозначений, и еще двое мужчин. Один наставил на них пистолет:

– Не двигаться! Не дергаться! Мы вас обыщем.

И они принялись грубо обшаривать Пауло и девушку. Она еще пыталась что-то сказать, а он от ужаса застыл как в столбняке. Он только и мог оглядеться в поисках свидетеля, который бы вызвал полицию.

– Молчи, сука! – сказал один из незнакомцев.

С Пауло и его девушки сорвали поясные сумки с паспортами и деньгами, а потом в тот же миг втолкнули обоих на задние сиденья машин.

Впереди сидел еще один человек.

– Надень на голову, – приказал он, протягивая Пауло мешок. – И сядь на пол.

Тот повиновался беспрекословно. Мозг его уже ни на что не реагировал. Машина рванула с места и сразу набрала скорость. Пауло хотел сказать, что у его родителей есть деньги и что они заплатят любой выкуп, но язык у него присох к нёбу.

---

³ Бразильская система заключается в том, что посетитель ресторана сидит за столиком, а к нему раз в пять-семь минут подходит повар – так называемый «ассадор», – с мясом на вертеле и отрезает кусочек прямо в тарелку. Трапеза кончается, когда посетитель уже не в состоянии впихнуть в себя больше ни крошки. (Прим. ред.)

Поезд начал замедлять ход, и это, вероятно, означало, что он приближается к голландской границе.

– Эй, парень, ты в порядке? – спросил аргентинец.

Пауло кивнул, подыскивая тему для разговора, чтобы, как нечистую силу, изгнать из головы тягостные мысли. Он уже больше года жил в Вила-Велью и почти научился обуздывать демонов своего рассудка, но стоило ему пусть случайно увидеть слово ПОЛИЦИЯ, как его вновь охватывала паника. Только на сей раз она сопровождалась целой историей, которую он уже не раз рассказывал приятелям, но неизменно оставался в отдалении и словно наблюдал за собой со стороны. Сегодня он впервые рассказывал ее самому себе.

– Если на границе завернут, ничего страшного, – сказал аргентинец. – Поедем в Бельгию и зайдем оттуда.

Пауло уже не хотелось разговаривать с ним – вернулась паранойя. А что, если они и впрямь перевозят тяжелые наркотики? А что, если его сочтут соучастником и засадят в тюрьму, пока он не сумеет доказать свою невиновность?

Поезд остановился. Это была еще не таможня, а маленький полустанок в пустынной местности: двое новых пассажиров вошли в вагон, пятеро – вышли. Аргентинец, видя, что Пауло к разговорам не склонен, решил оставить спутника в покое, наедине с его мыслями, но по лицу было заметно, что он явно озабочен.

– С тобой в самом деле все нормально? – спросил он еще раз.

– Я изгоняю демонов.

Аргентинец понял и больше не произнес ни слова.

Пауло знал, что здесь, в Европе, такого не бывает. Точнее, не происходит сейчас – и он неизменно недоумевал, как это люди в концлагерях покорно шли в газовые камеры, как стояли на краю братской могилы перед расстрельной командой и не сопротивлялись, видя, как падают убитые, не пытались убежать, не бросались с голыми руками на своих палачей.

Все очень просто: паника так сильна, что человек уже будто не здесь. Мозг заблокирован – нет уже ни страха, ни ужаса, а только странное подчинение тому неизбежному, что должно случиться. Эмоции исчезают, уступая место загадочному чувству нереальности, все уходит куда-то в туманную, покуда еще не исследованную учеными область. Врачи приклеивают ярлычок – «временная шизофрения, порожденная стрессом» и не заботятся о том, чтобы досконально изучить последствия явления, названного ими «аффективным уплощением».

И, быть может, он воскрешал в памяти эту историю ради того, чтобы окончательно изгнать призраки минувшего.

Человек на заднем сиденье казался помягче тех двоих, что схватили Пауло в отеле.

– Не бойся, – сказал он. – Мы тебя не уьем. Ложись на пол.

А Пауло уже и не боялся – голова не работала. Он словно входил в какую-то параллельную реальность, и мозг отказывался воспринимать происходящее.

– Можно держаться за вашу ногу? – только и сумел произнести Пауло.

Конечно, последовал ответ. И Пауло вцепился в ногу – вцепился изо всех сил и, наверно, даже крепче, чем надо, и причинил боль этому человеку, но тот не отдернул ногу, не отпихнул его. Он понимал, что должен чувствовать Пауло, и ему не доставляло ни малейшей радости, что молодой, полный жизни парень попал в такую передрыгу. Однако он выполнял приказы.

Машина довольно долго кружила по городу, и чем больше кружила, тем крепче становилось убеждение Пауло, что везут его на смерть. Он уже отчасти начал понимать, что происходит – его похитили люди из военизированных отрядов и теперь он официально будет считаться пропавшим без вести. Но какая разница?

Машина остановилась. Его грубо выволокли наружу и потащили по какому-то коридору. Пауло обо что-то зацепился ногой и взмолился:

– Ради бога, не так быстро!

Тут его в первый раз ударили по голове.

– Заткнись, террорист!

Он упал. Ему приказали встать и раздеться догола, следя, чтобы не сполз мешок на голове. Он повиновался. Вслед за тем его начали избивать, а поскольку он не знал, откуда обрушится удар, то тело не успевало подготовиться, а мускулы – отреагировать и напрячься, и потому такой боли он не испытывал ни в одной драке, в которые вступал в юности. Он снова упал, и удары сменились пинками. Длилось это минут десять-пятнадцать, пока не раздался чей-то голос, приказавший прекратить.

Пауло не потерял сознание, но не знал и не мог удостовериться, целы ли у него кости – он не мог шевельнуться из-за острой боли. Меж тем тот же голос приказал ему встать. И снова посыпались вопросы о геррилье, о сообщниках, о том, что он делал в Боливии, контактировал ли с людьми Че Гевары, где спрятано оружие, и вопросы эти перемежались угрозами вырвать ему глаз, если будет доказано участие в подрывной деятельности. Другой голос, принадлежавший «доброму полицейскому», твердил свое. Лучше признайся по-хорошему. Расскажи о налете на банк – и тогда все разъяснится, Пауло за совершенные им преступления закатают за решетку, но бить больше не будут.

И в тот миг, когда ему с большим трудом удалось подняться на ноги, он вдруг почувствовал, что очнулся от своей летаргии и что к нему возвращается то, что он всегда считал свойством человеческой природы – инстинкт самосохранения. Он должен выбраться отсюда. Он должен доказать свою непричастность.

Ему велели рассказать все, что он делал на прошлой неделе. Пауло в подробностях описал свое путешествие, хотя был уверен, что они и не слышали о Мачу Пикчу.

– Не теряй время на брехню, – сказал ему «злой». – И не пытайся нас обмануть. В твоём номере мы обнаружили карту. Тебя и твою блондиночку видели на месте преступления.

Карту?

Сквозь редкую мешковину он сумел различить рисунок, который по его просьбе кто-то сделал для него в Чили, указав на нем туннель, пересекающий горную цепь в Андах.

– Коммунисты считают, что победят на ближайших выборах. Что Альенде золотом Москвы сумеет коррумпировать всю Латинскую Америку. Но он ошибается. Какова твоя роль в альянсе, который они сколачивают? И какие у тебя связи в Бразилии?

Пауло клялся, что не имеет к этому никакого отношения, что все это неправда, что он всего лишь хотел путешествовать и познавать мир, – и постоянно спрашивал, где его подруга и что с ней случилось?

– А-а, это та, которую заслали к нам из коммунистической Югославии покончить с демократией в Бразилии? Она получает то, что заслужила, – ответил ему «злой».

Вновь было ожил и вернулся ужас, но Пауло сумел взять себя в руки. Надо было понять, как выбраться из этого кошмара. А значит – очнуться.

Ему пригрозили, что сыграют с ним в «телефон» – подключат к телу металлические клеммы и, завертев ручку, пустят ток: такого не выдерживают самые стойкие.

И тут при виде этого жуткого устройства Пауло вдруг осенило: он нашел выход. Отбросив покорность, он закричал:

– Думаете, я боюсь электрошока? Думаете, я боюсь боли? Не беспокойтесь – я буду мучить себя сам. Я уже лежал в психушке – и не один, не два, а три раза, там через меня прогнали столько электричества, что я смело могу выполнить всю работу за вас. Да вы наверняка знаете об этом, вам ведь все обо мне известно.

С этими словами он начал ногтями в кровь раздирать себе лицо и тело, крича, что пусть они хоть убьют его, ему наплевать – он верит в переселение душ и рано или поздно явится за ними с того света. За ними и их близкими. Кто-то подскочил, схватил его за руки. Судя по всему, он сумел напугать тех, кто вел допрос, хотя никто не произнес ни слова.

– Прекрати, Пауло, – сказал «добрый полицейский». – Успокойся. Объясни тогда, что это за карта.

Пауло отвечал ему так, словно находился в припадке буйного помешательства. И диким криком описал происходившее в Сантьяго – им нужно было понять, как добраться до туннеля между Чили и Аргентиной.

– А где моя девушка?! Что с моей девушкой??!

Он кричал все громче и пронзительней, надеясь, что этот крик долетит до нее. «Добрый» пытался утихомирить его – как видно, он еще не вполне озверел и оскотинился на своей работе.

Не трясись ты, уговаривал он Пауло, приди в себя, если не виноват, тебе нечего бояться, но нам придется проверить все, а потому ты останешься здесь на какое-то время. На какое именно, не сказал. Угостил Пауло сигаретой. Тот заметил, что все остальные вышли из комнаты, будто утратив к нему интерес. «Добрый» сказал:

– Дождись, когда за мной закроется дверь – и можешь снять с головы мешок. Услышишь стук – снова наденешь. Как только мы соберем все необходимые сведения, тебя отпустят.

– А моя девушка?! – выкрикнул Пауло.

Он не заслужил такого. Каким бы скверным сыном он ни был, как бы ни мучились с ним родители, но все же такого он не заслуживал. Он был ни в чем не виноват, но окажись у него сейчас в руке пистолет, перестрелял бы всех. Нет ничего ужасней наказания без вины.

– Да не бойся. Мы же не звери какие-то... Мы хотим всего лишь уничтожить тех, кто хочет погубить нашу страну.

«Добрый» вышел, хлопнула дверь, Пауло стянул с головы мешок и огляделся. Он сидел в звуконепроницаемой камере – вон тот порог, о который он споткнулся при входе. Справа было большое окно с матовым стеклом – через него, наверно, наблюдали за арестованным. В стене виднелись два-три отверстия, из одного торчало что-то, похожее на волос. Но следовало делать вид, будто его это нимало не трогает. Пауло оглядел свое окровавленное, испаранное тело, ощущал себя, убедившись, что руки и ноги целы: здешние люди умели бить и мучить, не оставляя следов, и, быть может, потому их напугала его реакция.

Он подумал, что они скорее всего свяжутся с Рио-де-Жанейро, узнают в клинике о его госпитализациях и электрошоковой терапии, потом проверят каждый его шаг – и его собственный, и девушки, чье иностранное гражданство может оказаться и спасением, и приговором, потому что она приехала из коммунистической страны.

Если они решат, что он солгал, его будут пытать непрерывно на протяжении многих дней. Если поймут, что говорил правду, может быть, придут к выводу, что перед ними – мальчик из богатой семьи, хиппи, балующийся наркотиками, и отпустят его.

Он не сказал им ни слова неправды и теперь мог только надеяться, что они убедятся в этом как можно скорее.

Пауло не знал, сколько времени провел в этой комнате, где не было окон, а свет горел постоянно, и куда к нему лишь раз вошел фотограф из этого пыточного центра. Что это было – участок? Казарма? Фотограф велел ему снять с головы мешок, приблизил камеру вплотную к лицу – так, чтобы не было видно, что арестант гол – потом попросил повернуться в профиль, сделал снимки и удалился, не сказав больше ни слова.

И даже стуки в дверь никак не укладывались в схему, которая позволила бы установить распорядок – иногда обед приносили чуть ли не сразу после завтрака, а ужина приходилось ждать долго. Когда Пауло нужно было в уборную, он стучал в дверь, предварительно натянув на

голову мешок: вероятно, охранники через матовое с одной стороны стекло видели это. Иногда он пытался поговорить с тем, кто выводил его, но ответом было только глухое молчание.

Он почти все время спал. Однажды днем (или ночью?) он решил применить свой навык медитации, чтобы сосредоточиться на чем-то возвышенном, и вспомнил, что Сан-Хуан де ла Крус говорил о потемках души, и что монахи-отшельники годами оставались в пещерах в пустыне или в Гималаях, и он может, последовав их примеру, использовать случившееся для самосовершенствования. Пауло подозревал, что на них с возлюбленной донес портье гостиницы, где они были единственными постояльцами, и часто мечтал, как освободится, придет и убьет его, а потом начинал думать, что наилучший способ служить Богу – простить предателя, ибо тот не ведал, что творил.

Но искусство прощения – трудное искусство: во всех своих странствиях он искал контакт со Вселенной, но это не значило – по крайней мере, в тот период жизни – что он соглашался терпеть тех, кто смеялся над его длинными волосами, спрашивал на улице, как давно он не мылся, уверял, что его разноцветная одежда свидетельствует, что он не уверен в своей ориентации, интересовался, много ли мужчин побывало в его постели, советовал бросить бродяжничество и наркотики, найти достойную работу, помочь стране выйти из кризиса.

Ненависть к несправедливости, жажда мести и невозможность прощения не позволяли ему сосредоточиться, и кровожадные мечты, – абсолютно, по его мнению, оправданные – прерывали медитацию. Известила ли полиция его семью?

Родители не знают, когда он намерен вернуться, а потому не удивляются столь долгому отсутствию. Родители во всем винили его возлюбленную, эту скучающую светскую бездельницу, старше его на одиннадцать лет, использующую его для удовлетворения таких желаний, в каких даже на исповеди не признаются, эту иностранку, чужачку, пожирательницу юнцов, которым еще не спутница жизни нужна, а приемная мать. Точно так же рассуждали все его друзья, все его враги, все, кто двигается вперед и никому не создает проблем, кто не заставляет свою семью ни пускаться в объяснения, ни стыдиться, что не сумел дать детям правильное воспитание. Сестра Пауло училась на инженерно-химическом факультете и считалась там одной из самых блестящих студенток, однако ее успехи не вызывали гордости у родителей – их гораздо больше заботило, как бы вернуть в мир нормальных людей сына.

И наконец, по прошествии какого-то срока, измерить который не представлялось возможным, Пауло начал думать, что заслуживает все, что с ним стряслось. Подобно кое-кому из друзей, которые вступили в вооруженную борьбу с режимом, отчетливо сознавая, чем это может кончиться, он расплачивался за все, что совершил в жизни – в этом ему виделось небесное воздаяние, а не земная кара. Он причинил людям столько горя, что вполне заслуживает того, чтобы валяться нагишом в камере, где на стене имеются три (он подсчитал) пулевых отверстия, чтобы искать в себе и не находить ни сил, ни духовного утешения и не слышать тот голос, который обратился бы к нему, как это было в Воротах Солнца.

И ему оставалось только одно – спать. С неизменной мыслью – вот он проснется, и этот кошмар прекратится. Но нет – он открывал глаза там же, на полу той же камеры. И каждый раз снилось, что самое скверное уже позади, но он снова и снова просыпался от стука в дверь весь в поту, в ужасе от того, что если его показания не подтвердились, его начнут пытать снова – и с новой силой.

Раздался стук в дверь. Пауло только что окончил ужин, но знал, что с тюремщиков станет принести ему завтрак, чтобы еще больше запутать и сбить с толку. Он натянул мешок на голову, услышал, как открывается дверь и как что-то швырнули на пол:

– Одевайся. И смотри не сдвинь мешок.

Этот голос принадлежал «доброму полицейскому» или, как он предпочитал мысленно называть его – «доброму палачу». Тот дождался, когда Пауло натянет на себя одежду и обуется,

потом взял его за руку и сказал, чтобы не споткнулся о порог (арестант и без того вспоминал об этом всякий раз, как его выводили на оправку, но, вероятно, полицейский захотел проявить участие), а потом напомнил, что все шрамы у него на теле – от ран, которые он нанес себе сам.

Прошло минуты три, и тут другой голос произнес:

– Вариант ждет во дворе.

Вариант? Лишь позднее Пауло понял, что речь идет о марке автомобиля⁴, а в тот миг ему показалось, что это условная фраза, значащая что-то вроде: «Расстрельная команда готова».

Его подвели к машине и, не снимая с головы мешок, сунули лист бумаги и ручку. Ему и в голову не пришло читать то, что было там напечатано, он подписал бы все, что угодно, пусть даже признание, лишь бы избавиться от этого сводящего с ума одиночного заключения. Однако «добрый» объяснил, что это – опись его вещей, обнаруженных в отеле. Рюкзаки лежат в багажнике.

Он сказал – «Рюкзаки!». Во множественном числе! Но Пауло был так оглушен всем происходящим, что не обратил на это внимания.

Он сделал то, что ему велели. Открылась дверца с другой стороны. Сквозь продранную ткань он заметил знакомую одежду. В машине сидела она, его девушка! От нее потребовали то же самое – подписать бумагу, но она отказалась, сказала, что сначала должна ознакомиться с ней. Сам звук ее голоса показывал, что она ни на миг не впадала в панику, полностью владеет собой, – и ей без возражений разрешили прочесть. Только после этого она наконец поставила свою подпись и сразу же ее рука коснулась руки Пауло.

– Физический контакт запрещен, – сказал «добрый палач».

Она пропустила эти слова мимо ушей, и Пауло на мгновение показалось, что их обоих сейчас же вернут в камеры и накажут за неповиновение. Попытался было высвободиться, но девушка крепче вцепилась в его руку и не отпускала.

«Добрый» просто захлопнул дверцу и велел – поезжайте. Пауло спросил, все ли в порядке с ней, и в ответ на него обрушилась целая обвинительная речь. С переднего сиденья донесся чей-то смех, и Пауло попросил, чтоб она заткнулась, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА, мы поговорим потом, завтра или когда-нибудь в другой раз, там, куда нас отвезут: может быть, в настоящую тюрьму.

– Если не собираются отпускать на свободу, то не дают подписать бумагу, что все вещи возвращены в целостности и сохранности, – ответила она.

Водитель снова рассмеялся, и кто-то подхватил его смех – оказалось, что впереди сидит еще один человек.

– Всегда считал, что женщины и храбрее, и умнее мужчин, – сказал кто-то из двоих. – И арестованные неизменно подтверждают это наблюдение.

На этот раз заткнуться велел водитель. Автомобиль еще довольно долго кружил по городу, потом затормозил, и сидевший впереди сказал, что они могут снять мешки. Этот человек с монголоидным лицом был одним из тех, кто арестовывал их в отеле – сейчас он улыбался. Вышел из машины одновременно с пассажирами, открыл багажник, достал рюкзаки и не швырнул их наземь, а подал Пауло и его спутнице.

– Можете идти. На следующем перекрестке свернете налево и минут через двадцать будет автостанция.

Вернулся в машину, и водитель неторопливо тронул с места – так, словно обоим было наплевать на все, что произошло: такова новая действительность их страны, эти люди теперь у власти, и никто никогда не осмелится на них жаловаться.

---

⁴ Речь идет о «Фольксвагене 1500 Variant» – выпускать его начали в 1964 году, а в 1969-м он появился в Бразилии. (Прим. ред.)

Пауло поглядел на свою подругу, а та – на него. Потом они обнялись и длительно поцеловались, после чего направились к автостанции. Он считал, что оставаться в этом городе опасно. А она, казалось, совсем не изменилась за эти дни – недели? месяцы? годы? – которые всего лишь ненадолго прервали их странствие в край мечты, а пережитые неприятности никак не могли возобладать над светлыми и отрадными впечатлениями. Пауло прибавил шагу, сдерживаясь, чтобы не сказать ей, что виновата во всем она, что они не должны были ехать смотреть изваянные ветром скульптуры, и что если бы они не завернули туда, ничего бы не произошло. Меж тем вина лежала не на ней, и не на Пауло, и ни на ком другом.

Каким нелепым и немощным стал он. И внезапно разболелась голова – так мучительно и сильно, что он не мог больше сделать ни шагу – ни бежать домой, в родной город, ни вернуться к Воротам Солнца и спросить у древних и забытых обитателей этого места, что же все-таки произошло. Он прислонился к стене и просто позволил рюкзаку свалиться на землю.

– Знаешь, что с тобой? – спросила подруга и сама же ответила: – Я прошла через это, когда бомбили мою страну. Все это время твоя мозговая активность была снижена, кровь не так, как обычно, двигалась по сосудам. Это пройдет часа через два-три, но на станции мы купим аспирина.

Пауло подхватил свой рюкзак, приладил его и зашагал дальше – сначала с трудом, но потом все быстрее и быстрее.

Какая женщина... Жаль только, что когда он предложил ей вместе отправиться в два центра мира – Пикадилли и Дам – она ответила, что устала от странствий да и потом, честно говоря, разлюбила его. И лучше будет, если теперь каждый пойдет своей дорогой.

Поезд остановился, и в окне возникла грозная вывеска на нескольких языках: ТАМОЖНЯ.

Наряд пограничников вошел в вагон и начал обход. Пауло немного успокоился, он изгнал своих демонов, но один стих из Библии, точнее – из Книги Иова, гвоздем засел у него в голове: «чего я боялся, то и пришло ко мне».

Надо взять себя в руки – когда человек боится, это чувствуется даже на расстоянии.

Все будет хорошо. Если аргентинец не соврал, и самое скверное, что может произойти – это не впусьят в страну, то и бояться нечего. Не выйдет здесь – можно попробовать пересечь другую границу. А не получится и это – остается еще один центр мира под названием Пикадилли.

Теперь, заставив себя заново пережить весь ужас случившегося полтора года назад, он испытывал глубочайшее спокойствие. Словно ему необходимо было взглянуть на свое прошлое без страха, принять его как данность, памятуя: пусть нам не дано выбирать то, что с нами случится, но реагировать на случившееся так или эдак – вполне в нашей власти.

И он сознавал, что если до этой минуты злокачественная опухоль несправедливости, отчаяния и бессилия уже начала давать метастазы в его астральном теле, то теперь оно очистилось от недуга.

Он мог все начать заново.

Пограничники вошли в купе, где сидели Пауло и аргентинец с еще четверьмя совершенно незнакомыми им пассажирами. Как он и ожидал, их двоих попросили сойти. На перроне было довольно холодно, хотя ночь еще не наступила.

Однако у природы есть циклы, которые повторяются и в душе человеческой: растение рождает цветок, чтобы прилетевшие пчелы могли создать плод. А он создает семена, которые снова превращаются в растения, а те в свой черед заставляют цветы распускаться, приманивая пчел, а те оплодотворяют цветок и дают ему возможность плодоносить – и так без конца, вернее – до конца времен. Добро пожаловать, осень, пора, когда можно отринуть старое вместе с ужасами прошлого и дать возникнуть новому.

В помещение таможни шли еще человек десять – юноши и девушки. Шли молча, и Пауло постарался оказаться как можно дальше от аргентинца, который заметил это и не стал ни приставать с разговорами, ни навязывать свое общество.

Вероятно, в этот миг он понял или догадался, что у Пауло возникли какие-то подозрения, он видел, как лицо попутчика омрачилось, будто его накрыла какая-то тень, а потом не то что бы просияло – это, наверно, было бы преувеличением – но по крайней мере с него исчезло выражение глубокой печали.

Людей вызывали по одному и никто не знал, о чем их спрашивают, потому что выходили они через другие двери. Пауло оказался третьим.

Сидевший за столом человек в мундире попросил его паспорт и принялся листать толстую папку со списками подозрительных лиц.

– Я всегда мечтал побывать... – начал было Пауло, но его жестом попросили не мешать пограничнику работать.

Сердце у Пауло забило чаще: он боролся с самим собой, стараясь поверить, что и в самом деле пришла осень, что с деревьев стали опадать мертвые листья, и что оттуда, где до сих пор были только обрывки чувств, появится новый человек.

Нехорошее, пагубное волнение шло вглубь и вширь, и Пауло собрал все душевные силы, чтобы успокоиться: это почти удалось ему, особенно когда он заметил в ухе у пограничника сережку – такое совершенно невозможно было представить себе ни в одной стране из тех, где он побывал. Чтобы отвлечься, стал разглядывать кабинет, заваленный папками с делами, портрет королевы на стене и плакат с изображением ветряной мельницы. Чиновник в этот миг отложил списки и, даже не спросив, что приезжий собирается делать в Голландии, осведомился, есть ли у того деньги на обратный билет.

Пауло заверил, что есть – он уже давно понял, что это – главное условие для пребывания в любой стране, и купил дорожный билет до Рима и обратно с открытой датой, так что вернуться можно было хоть через год. И потянулся было в подтверждение своих слов достать билет из поясной сумки, но пограничник сказал, что это необязательно, и спросил, сколько у него с собой денег.

– Около тысячи шестисот долларов. Может, немного больше, но я не знаю, сколько истратил в поезде.

Когда он прилетел в Европу, у него было 1700 долларов, заработанных преподаванием на подготовительных курсах в той же Театральной Школе, в которой учился сам. Самый дешевый билет был до Рима, где хиппи обычно собираются на площади Испании, как он узнал благодаря «Невидимой почте». Он нашел себе место для ночевки в парке, питался сэндвичами и мороженым и вполне мог бы застрять в Риме надолго, благо познакомился и быстро сдружился с галисийской девушкой, очень скоро ставшей его возлюбленной. Наконец, он купил супербестселлер, которым зачитывалось его поколение – «Европа за пять долларов в день» – не сомневаясь, что эта книга перевернет его жизнь. За время, проведенное на площади Испании, он успел заметить, что книгу эту читают не только хиппи, но и уважаемые законопослушные обыватели – так называемые «квадратные» – искавшие в ней, помимо достопримечательностей каждого города, список самых дешевых ресторанов и отелей.

Не пропаду и в Амстердаме, думал тогда Пауло, вознамерившись двигаться к своей первой цели (вторая, как он неустанно повторял, была площадь Пикадилли). Но как раз в это время галисийка сказала, что собирается в Афины.

Он снова собирался предъявить свои деньги, но тут пограничник проштемпелевал и вернул ему паспорт. Еще спросил, везет ли он какие-либо фрукты или овощи. У Пауло было с собой два яблока, и пограничник велел перед выходом с вокзала выбросить их в урну.

– А как же мне теперь добраться до Амстердама?

Сестр в пригородный поезд, ответили ему, он здесь останавливается каждые полчаса, благо купленный в Риме билет действителен до конечного пункта поездки.

Пограничник показал, в какие двери выходить, и Пауло оказался на свежем воздухе и в ожидании электрички: он был и удивлен, и обрадован тем, что ему поверили на слово насчет билета и денег.

Похоже, он и в самом деле попал в другой мир.

Карла не осталась до вечера на Даме, главным образом потому, что начался дождь, да и гадалка твердо обещала, что на следующий день явится человек, которого девушка ждет. И она, хоть и не любила научную фантастику, решила сходить в кино на «2001: Космическая одиссея», потому что слышала от многих, что это настоящий шедевр.

Фильм, в самом деле оказавшийся великолепным, не только помог ей убить время, но и подтвердил то, что она знала – впрочем, дело было не в знании, а в абсолютной неоспоримой истине: время идет по кругу и неизменно возвращается в ту же точку. Мы рождаемся из семени, растем, стареем, умираем, ложимся в землю и в ней снова становимся семечком, которое рано или поздно воплотится в другого человека. Карла, хоть и появилась на свет в лютеранской семье, пережила увлечение католицизмом и на мессе любила повторять из «Апостольского Символа веры»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Воскресение мертвых. Она как-то раз попыталась поговорить об этом с падре, спросила его о реинкарнации, но тот сказал, что речь здесь идет о другом. О чем же? – спросила она. Ответ – совершенно идиотский – гласил, что она просто еще не доросла до понимания. С той минуты она стала постепенно отдаляться от католицизма, сообразив, что и падре не понимает, что значат эти слова.

«Аминь», повторяла она по пути в отель. Она была готова воспринять все, что Бог захочет сказать ей. Отойдя от христианства, Карла искала хоть какой-то ответ на вечный вопрос о смысле жизни и в индуизме, и в буддизме, и в даосизме, и в языческих африканских культурах. Один поэт много веков назад сказал: «Твой свет озаряет Вселенную // Любви светильник жжет и Постижение спасает».

Поскольку ничего сложнее любви не было в ее жизни (любовь была сложна до такой степени, что лучше о ней было не думать вовсе), Карла пришла к выводу, что Постижение заключено внутри ее самой, о чем, в сущности, и говорили основатели всех этих религий. И теперь все, что попадалось ей на глаза, напоминало о Божестве, и она старалась, чтобы каждый жест ее, каждый шаг были формой благодарности за то, что она жива.

И этого достаточно. Хуже убийцы тот, кто убивает в нас радость бытия.

Карла зашла в *кофе-шоп* – заведение, где продавали разные виды марихуаны и гашиша – но заказала там лишь чашку кофе. И разговорилась с посетительницей по имени Вильма, тоже ограничившейся кофе. Она тоже была голландкой и выглядела немного растерянной. Девушки решили отправиться в «Парадизо⁵», но решение свое тотчас переменили – ничего нового их там не ожидало, клуб давно потерял для них прелесть новизны, как и продававшиеся там наркотики. Это хорошо для туристов, но скучно тем, кому подобное лакомство доступно в любую минуту.

---

⁵ Расположенный в здании бывшей церкви XIX века развлекательный молодежный центр, а позже клуб «Парадизо» открылся в 1968 году. Пользовался огромным успехом у молодежи со всего мира, поскольку там проходили концерты рок-музыки и была разрешена продажа легких наркотиков. (Прим. ред.)

Однажды – в каком-нибудь отдаленном будущем – правительства уразумеют, что наилучший способ покончить с так называемой «проблемой» – снять запреты. Гашиш во многом так притягателен именно потому, что запрещен и как всякий запретный плод – сладок.

– Но это же никому не надо, – сказала Вильма, когда Карла поделилась с ней своими мыслями. – Они зарабатывают миллиарды на репрессиях. Считают себя существами высшего порядка. Спасителями общества и семьи. Борьба с наркотиками – превосходная политическая платформа. Чем они ее заменят? Ну да, разумеется, можно, конечно, начать борьбу с бедностью, вот только кто в это поверит?

Они прервали разговор и усталились в свои чашки. Карла думала о только что увиденном фильме, о «Властелине колец» и о своей жизни. В ней не происходило ничего примечательного или интересного. Родилась в семье с пуританскими нравами, училась в лютеранском колледже, потеряла невинность еще в отрочестве с одним голландским пареньком, для которого это тоже был первый сексуальный опыт. Какое-то время странствовала по Европе, в 20 лет устроилась на работу (сейчас ей было 23), и потянулись долгие однообразно повторяющиеся дни. Потом, просто чтобы позлить семью, перешла в католичество, решила уйти из дома и жить одна, пережила череду романов, герои которых появлялись в ее жизни и в ее постели то на два дня, то на два месяца, сочла, что виной всему – Роттердам с его кранами, пепельно-серыми улицами, с его портом, приносящим истории не в пример интереснее тех, которые она привыкла слышать от друзей.

Она легче ладилась с иностранцами. И один-единственный раз готова была потерять свою абсолютную и ставшую такой привычной свободу, когда без памяти влюбилась в одного француза, бывшего на десять лет старше, и убедила себя, что сумеет сделать так, чтобы эта всепоглощающая страсть захлестнула и его тоже, хотя прекрасно знала, что ему не нужно ничего, кроме секса – области, где она чувствовала себя как рыба в воде и достигала все большего совершенства. Но через неделю бросила француза в Париже, придя к выводу, что еще не в полной мере сумела раскрыть роль любви в своей жизни – и, вероятно, это была какая-то болезнь, потому что все ее знакомые рано или поздно заговаривали о том, как важно выйти замуж, завести детей, стряпать, смотреть рядом с кем-то телевизор, ходить в театр, путешествовать, приносить, возвращаясь с работы, гостинчики, и снова беременеть, растить детей, притворяться, что не замечаешь маленьких измен мужа или жены, твердить, что дети – единственный смысл жизни, думать о том, что приготовить им на ужин, кем они станут в будущем, каково им придется в школе, на службе, в жизни.

И растягивать, растягивать ощущение своей полезности еще на несколько лет, до тех пор, пока все не разъедется, и не опустеет дом, и по-настоящему важными будут только воскресные обеды всей семьей, и все будут притворяться, что все у них хорошо, что нет ни ревности, ни соперничества, ни свистящих в воздухе невидимых стрел: «я зарабатываю больше... моя жена получила диплом архитектора... мы только что купили дом, какой вам и не снился...» и прочее в том же роде.

Еще за два года до этого она вдруг поняла, что в абсолютной свободе нет никакого смысла. И стала задумываться то о смерти, то об уходе в монастырь – даже съездила к босоногим кармелиткам, жившим в полном отрыве от окружающего мира. Она сказала, что была крещена, что открыла для себя Христа и хочет быть его невестой до последнего своего часа. Настоятельница попросила ее подумать еще месяц, а уж потом окончательно принять решение – и за этот месяц она живо представила себе, как сидит в келье и молится с утра до ночи, повторяя одни и те же слова, пока они окончательно не лишатся смысла, а представив – поняла, что ей не по силам такая жизнь, которая очень скоро сведет ее с ума. Мать-настоятельница оказалась права: Карла не вернулась в обитель, рассудив, что как ни мучительна рутина абсолютной свободы, в ней все же всегда можно найти что-нибудь интересное.

Моряк из Бомбея помимо того, что оказался великолепным любовником – что встречается нечасто – открыл ей восточный мистицизм, и именно в это время она стала все чаще думать, что окончательная цель ее существования – уехать куда-нибудь в дальнюю даль, жить в пещере на Гималаях, верить, что рано или поздно боги снизойдут для беседы с ней, и отрешиться от всего, что сейчас окружает и кажется таким пошлым, таким невыносимо пошлым.

Не вдаваясь в подробности, она спросила Вильму, как ей понравился Амстердам.

– Пошлый. Невыносимо пошлый.

Вот именно. И не только Амстердам, а и вся Голландия, где люди с рождения защищены государством, где никто не боится бесприютной старости, потому что существуют богадельни и пожизненные пенсии, и медицинская помощь – бесплатная или за ничтожную плату, и короли – на самом деле королевы: королева-мать Вильгельмина, правящая королева Юлиана и наследница престола Беатрис. В то время как в Америке женщины сжигают лифчики и требуют равных прав с мужчинами, Карла, которая вообще лифчик не носила, хоть и была довольно полногруда, жила в стране, где это равноправие завоевали уже давно – без шума, без эксгибиционизма, следуя вековой логике, согласно которой власть принадлежит женщинам – именно они управляют своими мужьями и сыновьями, президентами и королями, а те в свою очередь изо всех сил стараются казаться полководцами, главами государства, президентами корпораций.

Мужчины... Они уверены, что вращают землю, а сами шагу ступить не могут, не спросив у подруги, любовницы, жены, матери, как следует поступить в каждом случае.

Карла хотела все бросить, отыскать какую-нибудь богом забытую страну, переселиться туда и навек вырваться из этой тягостной трясины, что, казалось, ежедневно высасывала из нее силы.

Она всей душой надеялась, что гадалщица сказала правду. Если же обещанный ею попутчик завтра не явится, Карла все равно уедет в Непал – уедет одна, рискуя, что ее превратят в «белую рабыню» и продадут в гарем какого-нибудь тучного султана, правящего там, где гаремы пока еще не вывелись. Впрочем, Карла сомневалась, что у кого-то хватит отваги поступить так с подданной Нидерландов, умеющей защищаться лучше, чем мужчина с угрозой во взоре и с отточенным клинком в руках.

Она простилась с Вильмой, условившись встретиться завтра в «Парадизо», и отправилась в пансион, где так однообразно проходили ее дни в Амстердаме, городе мечты стольких людей, устремлявшихся сюда со всех концов света. Она шла по узким улочкам, наострив уши, чтобы не пропустить *знак*: она не знала, какой он будет, но помнила, что все знаки именно таковы – непредсказуемы и замаскированы под обыденность. Мелкий дождь, ударив в лицо, вернул ее к действительности – но не к той, что была вокруг, а к ощущению того, что она – жива и идет по безопасному городу, по темным его закоулкам, пересекая тропы наркоторговцев из Суринама, в полумраке предлагающих свой товар, а вот он-то как раз и представляет нешуточную опасность для покупателей, ибо, верно, сам дьявол измыслил героин и кокаин.

Она прошла через площадь – казалось, что здесь, в противоположность Роттердаму, площади на каждом перекрестке. Дождь припустил сильнее, и она поблагодарила судьбу, что после всего передуманного в кофе-шопе еще способна улыбаться.

Карла шла и молилась про себя, беззвучно произнося слова, которых не было в канонических молитвах католиков или лютеран – она благодарила жизнь, хотя еще недавно жаловалась на нее, она возносила хвалу небесам и земле, растениям и животным, ибо довольно было лишь взглянуть на это, как все противоречия, теснящиеся в душе, разрешались сами собой, и глубокий покой осенял ее и окутывал: и это были не та сонная одурь или истома, лишенная вызовов, но подготовка к некоему приключению, на которое она решилась (независимо от того, найдется у нее спутник или нет), и уверенность, что ангелы сопровождают ее и их неслышная

музыка гонит прочь нечистые мысли и заставляет трепетать и вступать в контакт с собственной душой, говорить ей «Я люблю тебя», хотя настоящей Любви Карла еще не знала.

Я не чувствую за собой вины за свои прежние мысли – быть может, тому виной фильм, быть может, книга – но даже если дело только во мне самой и в моей неспособности видеть красоту, живущую внутри меня, я прошу, чтобы ты простила меня: я люблю тебя и благодарю, что ты сопровождаешь меня, благословляешь меня своим присутствием и избавляешь от искушения наслаждениями и от страха перед болью.

Для разнообразия она принялась винить себя за то, что она – такая как есть, что живет в стране, где больше всего музеев в мире, и сейчас проходит по одному из 1281 мостов этого города, глядя на дома в три окошка по горизонтали – больше считается хвастовством и желанием унижить соседа – и гордясь законами, которые правят ее народом, и славными мореплавателями, которыми так богата его история, пусть даже в мире знают только испанских и португальских первооткрывателей.

И голландские моряки совершили лишь одну неудачную сделку – продали⁶ остров Манхеттен американцам. Но, как известно, никто не застрахован от ошибки.

Ночной портье открыл ей дверь хостела, и она проскользнула внутрь, стараясь не шуметь, легла, закрыла глаза и, прежде чем уснуть, подумала о том, что в ее стране нет только одного.

Гор.

И она отправится в горы – подальше от этих огромных низменностей, отвоеванных у моря теми, кто знал, чего хочет, и сумел покорить природу, не желавшую подчиняться.

Она решила проснуться раньше, чем всегда, и в одиннадцать утра уже была одета и готова к выходу, хотя обычно поспевала со сборами только к часу. Сегодня, по словам гадалыщицы, ей предстояла встреча с тем, кого она ждала, а гадалыщица не может ошибаться, потому что обе они вошли в мистический транс, перестав вопреки обыкновению контролировать себя, как это обычно и бывает в состоянии транса. Лайла произносила какие-то слова, которые шли будто не изо рта, а из «большой души», занимавшей все пространство ее студии.

На Даме народу было еще не много – обычно движение начиналось после полудня. Но она заметила – наконец-то! – новое лицо. Длинные, как у всех здешних, волосы, куртка, небогато украшенная нашивками (самым заметным был флажок с надписью «Бразилия» сверху), через плечо – ярко расписанная холщовая сумка, изготовленная в Латинской Америке, – такие были в большой моде среди странствующих по свету юнцов, равно как и пончо, и шапки, закрывающие уши. Он курил – причем обычную сигарету: пройдя мимо, она не ощутила ничего, кроме запаха табачного дыма.

Он очень увлеченно занимался ничегонеделаньем, разглядывая здание на другом конце площади и народ вокруг себя. Наверно, хотел бы завести с кем-нибудь разговор, но по глазам было видно – стесняется, правильной сказать – слишком сильно стесняется.

Она расположилась на почтительном расстоянии – так, чтобы держать его в поле зрения и не допустить, чтобы он исчез, прежде чем она предложит ему путешествие в Непал. Если он уже побывал в Бразилии и других, судя по сумке, странах Южной Америки, отчего бы ему не захотеть забраться подальше. Он приблизительно ее возраста, неопытен и уговорить его будет, наверно, нетрудно. И неважно – длинный он или коротышка, толстый или худощавый, красивый или страшненький. Ее интересовало только одно – заполучить спутника для своего личного приключения.

Пауло тоже приметил хорошенькую девушку-хиппи, прохаживавшуюся поблизости, и, не будь он так робок, наверно, улыбнулся бы ей. Но не хватило смелости – она держалась

---

⁶ На самом деле, не продали, а купили у индейцев в 1626 году за 60 гульденов, но вскоре вынуждены были уступить его англичанам. Впрочем, в сделке участвовали. (Прим. ред.)

отчужденно, может быть, кого-то ждала, а может быть, просто хотела посмотреть на пасмурный день – без солнца, но и без дождя.

С этими мыслями он вновь принялся рассматривать стоявшее перед ним здание – истинное чудо архитектуры, о котором книга «Европа за пять долларов в день» сообщала, что это королевский дворец, выстроенный на 13659 сваях (если верить книге, вообще весь город стоял на сваях, только этого никто не замечал). У ворот не было караула, и невероятные полчища туристов свободно входили и выходили: он сам бы ни за что не пошел туда.

Мы всегда чувствуем, когда на нас смотрят. Вот и Пауло знал, что красотка-хиппи, оказавшись вне поля его зрения, не сводит с него глаз. Он повернул голову и увидел ее: она в самом деле сидела чуть поодаль, но как только их взгляды встретились, она немедленно погрузилась в чтение.

Как поступить? Чуть ли не полчаса он размышлял, стоит ли подняться, подойти, сесть рядом – как это принято в Амстердаме, где люди общаются без объяснений и извинений, просто потому, что захотелось поболтать и обменяться впечатлениями. И когда эти полчаса истекли, Пауло, в сотый раз твердя про себя, что ему нечего терять, что если его отвергнут, то – не в первый и не в последний раз, – поднялся и направился к ней. Она не отрывала глаз от книги.

Карла видела, что он приближается: такое нечасто бывает здешних местах, где уважается чужое личное пространство. Парень уселся рядом и произнес самое нелепое из всего, что только можно было произнести в этой ситуации:

– Простите.

Она повернула к нему голову, ожидая окончания фразы, но его не последовало. Прошло пять минут неловкого молчания, прежде чем она все же решила взять инициативу на себя:

– За что простить?

– Ни за что.

И как же она обрадовалась, когда он не стал молоть ерунду вроде «Надеюсь, не помешал?», или «Не знаете, что это за здание такое?», или «Какая вы красивая» (иностранцы предпочитают именно эту фразу), или «А где вы купили эту юбку?», или еще что-нибудь в том же роде.

Она решила ему помочь, тем более что он интересовал ее куда больше, чем мог представить.

– Зачем у тебя нашивка «Бразилия» на рукаве? – спросила она, перейдя на «ты».

– На тот случай, если встречу ребят из Бразилии: я и сам оттуда. Я ведь никого здесь не знаю, а так мне смогут показать что-нибудь интересное.

Неужели этот паренек с черными глазами, усталыми, но блестящими умом и огромной энергией, пересек Атлантику, чтобы повстречать здесь, за границей, своих соотечественников?

Ей показалось, что это – верх нелепости, но все же она решила дать ему шанс. Она могла немедленно заговорить о Непале и посмотреть, как пойдет беседа, могла мгновенно свернуть разговор, могла пересечь, могла сказать, что у нее здесь назначена встреча или попросту встать и уйти, не давая никаких объяснений.

Однако она решила не трогаться с места и то, что, перебирая возможные варианты, она осталась сидеть рядом с парнем – оказалось, что его звали Пауло – в конце концов полностью изменило ее жизнь.

Ибо в любви происходит именно так, пусть даже последнее, о чем ты думаешь в такие моменты – это любовь и все те опасности, что она несет с собой. Двое были теперь одним, гадалщица была права, мир внешний и мир внутренний стали стремительно сближаться. Пауло, вероятно, чувствовал то же, что и она, но был, может быть, слишком робок, или – что тоже не исключено – думал лишь о том, с кем бы на пару выкурить сигарету с гашишем, или

– что было еще хуже – видел в ней лишь ту, с кем можно будет наскоро переспать, а потом разбежаться как ни в чем не бывало – ни в чем и ничего, не считая оргазма.

Как определить за несколько минут, что представляет собой человек или чего он собой *не* представляет? Ну, разумеется, бывает, что человек сразу вызывает у нас неприязнь, и мы отходим в сторонку – но здесь было что-то совсем иное. Этот худощавый паренек следил за собой: волосы у него были очень ухоженные. Он, наверно, утром принял ванну или душ – от него еще исходил чуть уловимый аромат хорошего мыла.

В тот самый миг, как он присел рядом со своим дурацким «простите», Карла испытала блаженное чувство – теперь она не одна. Она – с ним, а он – с ней, и оба уже знают об этом, пусть даже пока не сказано ни слова, и оба не знают, что же произошло. Потаенные чувства не обнаружались, но перестали скрываться и ожидали только случая раскрыться. Настала минута, когда отношения, способные перерасти в сильную любовь, погибают – либо потому, что души, повстречав друг на друга на земле, уже знают, куда пойдут вместе и боятся этого, либо, движимые предрассудками, мы не даем душам времени узнать друга друга, пускаемся на поиски чего-то «лучшего» и теряем шанс, который выпадает только раз в жизни.

Карла дала своей душе высказаться. Порой мы обманываемся их словами, потому что души не отличаются особой верностью и, в конце концов смиряясь с ситуациями, которые ничему не соответствуют, пытаются порадовать рассудок и пренебрегают тем, во что Карла погружалась все глубже – Постыжение. Твое видимое Я, которое ты считаешь собой, – это всего лишь крошечный кусочек, не имеющий отношения к Эго истинному. И потому людям так трудно внять тому, что говорит им душа – они пытаются управлять ею, заставляют двигаться по уже прочерченному пути желаний, надежд, будущего, искушения сказать друзьям «Наконец-то я встретил истинную любовь, любовь всей моей жизни», страха перед одинокой смертью в доме престарелых.

Карла больше не могла себя обманывать. Она сама не понимала, что чувствует сейчас, но доискиваться не стала, оставила, как есть, не пытаясь ничего оправдать или объяснить. Отдавала себе отчет в том, что должна наконец поднять завесу, покрывающую ее сердце, но не знала, как это сделать – не знала и не могла узнать в оставшиеся и стремительно истекавшие мгновения. Лучше всего было бы отстраниться сейчас, отойти на безопасное расстояние и подождать, посмотреть, как будут вести себя они оба, спустя часы, дни или годы – нет-нет, о годах она не думала, потому что цель ее была – пещера в горах Катманду, где она в одиночестве войдет в контакт со Вселенной.

Душа Пауло еще ничего ему не подсказывала, и он не знал, не исчезнет ли эта девушка через минуту. Не знал он и о чем говорить, а девушка тоже хранила молчание, так что они оба немо смотрели перед собой, хотя на самом деле ничего не замечали – ни голландцев, направлявшихся в ресторанчики и кафе, ни переполненных трамваев – кроме собственных чувств, находившихся в другом измерении.

– Хочешь есть?

Расценив это как приглашение, Пауло и удивился, и обрадовался. И, хотя не мог понять, почему такая красивая девушка зовет его пообедать, подумал, что его первые часы в Амстердаме начинаются очень хорошо.

Он ничего подобного не замыслил и не планировал, а все, что происходит само собой – без планирования и ожидания – неизменно оказывается и приятней, и плодотворней. Вот и разговор с незнакомкой вышел довольно непринужденным, потому что не имел никакой романтической подоплеки.

Она – одна? Долго ли она будет дарить его своим вниманием? Что надо сделать, чтобы удержать ее рядом?

Ничего не надо. Черда глупейших вопросов растворилась в пространстве, а он пошел бы с ней обедать, даже если бы недавно наелся до отвала. Он только уповал на то, что она выберет

какой-нибудь не запредельно дорогой ресторан: имеющиеся деньги надо было растянуть на год, до указанной в билете даты вылета.

*Путник, ты отвлечен, успокойся.
Помни – не каждый из тех, кто зван, избран.
И не всякий, кто спит с улыбкой на устах,
Увидит то, что видишь ты.*

Разумеется, мы должны делиться друг с другом. Пусть кажется, что полученные нами сведения всем уже известны, важно не позволить эгоистичной мысли увести тебя в одиночку к концу пути. Иначе ты обнаружишь, что находишься в раю – в пустом, неинтересном раю, – и очень скоро начнешь томиться в нем от скуки.

Мы не можем взять с собой огни, озаряющие нам путь.

А если попытаемся, окажется, что мы набили наши заплечные мешки фонарями. И в этом случае – сколько бы света ни тащили мы с собой – нельзя рассчитывать на приятных попутчиков. И к чему тогда все это?

Но успокоиться было трудно – надо было заметить все, что представало его взору вокруг. Революция без оружия, дорога без опасных поворотов и контрольно-пропускных пунктов.

Мир, внезапно обретающий молодость – независимо от возраста людей в нем и от их верований и убеждений. Возшло солнце, словно говоря, что возвращается Возрождение, меняя нравы и обычаи мира сего – и в один прекрасный день, в очень недалеком будущем люди перестанут зависеть от чужого мнения и будут смотреть на жизнь только собственными глазами.

Люди в желтом танцевали и пели на улице, запруженной разноцветной толпой, девушка раздавала розы всем, кто шел мимо, и все расцветали улыбками: да, завтра будет лучше, чем сегодня, несмотря на творящееся в Латинской Америке или где-то там еще. Оно будет лучше просто потому, что выбора нет, нельзя вернуться в прошлое и допустить, чтобы морализирование, лицемерие и ложь день и ночь забивали головы людям, следующим этой стезей. Пауло вспомнил, как в поезде изгонял демонов и о тех тысячах критических замечаний, которые пришлось ему выслушать от всех – знакомых и незнакомых. И о том еще, как мучились с ним его родители, и ему захотелось сейчас же позвонить им и сказать:

Не беспокойтесь, я всем доволен, и вскоре вы наконец поймете, что я рожден не для того, чтобы поступить в университет, получить диплом и устроиться на службу. Я родился для того, чтобы обрести свободу, и смогу пережить это – мне всегда будет чем заняться, я всегда открою способ заработать денег, когда-нибудь найду себе жену и обзавестись семьей. Но сейчас мне нужно другое – сейчас пришло время искать только в настоящем, здесь и сейчас, ту радость, свойственную детям, о которых Иисус сказал, что им принадлежит царствие небесное. Если мне придется пахать землю, я без колебаний возьмусь за это, потому что работа эта позволит мне пребывать в единении и связи с землей, с солнцем или дождем. Если мне потребуется запереться в офисе, я сумею сделать и это, ибо рядом со мной будут другие люди, и мы в конце концов объединимся и вместе откроем для себя, как славно сидеть вокруг стола и разговаривать, молиться, смеяться и каждый вечер после монотонной работы смыть с себя трудовой пот. Если я останусь один, я выживу в одиночестве, если я полюблю и решу жениться – я женюсь, ибо уверен, что для моей жены, данной мне раз и навсегда, моя радость станет наивысшим благословением, какое только мужчина может дать женщине.

Девушка, шагавшая рядом, остановилась, купила цветов и, вместо того чтобы нести их куда-нибудь, проворно смастерила два венка и надела на голову себе и Пауло. И это вовсе не выглядело смешно или нелепо – это был способ отпраздновать маленькие житейские победы, подобно тому, как греки тысячи лет назад увенчивали своих триумфаторов и героев не золо-

том, а лавром. Да, эти венки завянут и высохнут, но зато они ничего не весят и не требуют бдительного пригляда – в отличие от венцов королей и королев. Головы у многих прохожих тоже были украшены такими венками, и от этого все становилось еще милей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.